

информации пока успешно избегают, пожалуй, только два слова – *der Investor*, *der Kapitalist*.

Проявления «политической корректности» имеют место в очень разнообразных коммуникативных: чаще всего, однако, она приводит к появлению очень «неуклюжих» слов и выражений, которые Э. Хеншайд окрестил в своем одноименном словаре как *Dummdeutsch*, приводя такие примеры новых лексических образований в речи официальных лиц ФРГ, как *Lernzielkontrolle*, *Qualifizierungsoffensive*, *Wertegemeinschaft*, *Kontaktbereichsbeamte*.

«Политическая корректность» не может иметь значительных социально-культурных последствий, которые здесь нет возможности обсуждать пока более подробно. Однако, говоря о социальной пользе или вреде «политической корректности», не стоит забывать о том факте, что люди общаются не словами, а текстами, так что контекст может быть семантически настолько четко построен, что это исключит любую вероятность неправильного понимания сообщения. По этой причине искусственные мероприятия по утверждению «политической корректности» как социального (директивы), так и лингвистического (изобретение новых лексических единиц) плана не имеют смысла. В этой связи интересна тенденция, наметившаяся в отношении табуированных «политической корректностью» слов, таких как *Lesbe* и *Schwuler*, которые сексуальные меньшинства пытаются внедрить в широкое употребление, а «расистское» слово *nigger*, исключенное из американской речи, сегодня пытаются вернуть сами же афроамериканцы.

По мнению немецких лингвистов, распространение «политической корректности» ведет к возникновению, в лучшем случае, «новой цивилизованности», в худшем – надежного репрессивного аппарата: в университетах США уже широко практикуется цензура «политической корректности». Известен случай с писателем С. Рушди, который вынужден был скрываться от мести религиозных фанатиков; а в английском Бирмингеме, чтобы не оскорблять чувства представителей других религий, из рождественского облика города исчез Санта-Клаус. «Политическая корректность» по специфическим для немцев причинам вряд ли получит такое же распространение в Германии, как в США. Однако, если широкие слои немецкого общества, например, в порыве европейской интеграции все же воспримут этот новый кодекс речевого поведения, мы станем свидетелями многих интересных явлений в лексике немецкого языка и культуре Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Henseheid E. "Dummdeutsch". Ein Woerterbuch. – Stuttgart: Verlag Philipp Reclam jun., 1993.

© Базылев В. Н., 2007

Белт Т.

Гавайский Университет, г. Хило

Перевод: Аникин Е.Е.

ГАЗЕТНЫЕ МЕТАФОРЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Abstract

The results of an experiment conducted on 98 subjects reveal that metaphorical language is persuasive and assists in subjects' learning about a topic. Subjects who read newspaper stories containing metaphors took away significantly more factual knowledge from the stories than subjects who read stories without metaphors. Moreover, subjects reading stories which contained metaphors favoring one group over another tended to sympathize with the favored group. The results of this study not only deepen the body of knowledge on metaphor through empirical testing, but also supplement the scholarly work on political persuasion.

***

Метафора часто используется политическими деятелями и репортерами с целью упростить сложные политические явления. Метафоры достигают этого, смешивая разнообразный жизненный опыт людей с общеизвестными истинами. Но тем способом, которым используется метафора, можно добиться большего, чем простое улучшение понимания новостей. Когда метафора используется с целью некоторым образом очертить рамки политической проблемы или события, то она, вероятно, привлечет внимание к тем аспектам темы, которые могут благоприятно сказаться на той или иной группе. Вследствие этого выбор метафор, используемых для передачи политической информации, может иметь мощный воздействующий эффект на новостную аудиторию. Данная статья исследует то, какой эффект метафоры, используемые в газетах, оказывают на читателей в трех различных измерениях: 1) какую информацию получают читатели; 2) принимает ли аудитория доминирующую метафорическую модель (фрейм) при размышлении о содержании; 3) воздействует ли метафора на представления читателей о соответствующей проблеме. Экспериментальные данные дают подтверждение мнению о том, что метафора влияет на политическое мышление во всех трех данных областях.

Теория и гипотезы. Для целей данного исследования, анализируемый эффект – политическое убеждение – определен через наличие трех отчетливых измерений: 1) усвоение (информации); 2) ассимиляция модели (фрейма); 3) формирование суждения.

Измерение усвоения определено как количество фактической информации, которое индивидуум оказывается способным получить из коммуникации. Исследования метафоры показали, что важно провести грань между содержанием, которое запоминается и содержанием, которое убеждает (*De Landtsheer and De*

Vrij, 1998 г.). Посредством автономного рассмотрения этих измерений представленное исследование сможет определить, действительно ли метафора убеждает или же она скорее лучше запоминается. Второе измерение – ассимиляция модели – определяется тем, насколько близко индивидуум пересказывает сводку к терминам, связанным с доминирующим фреймом коммуникации (см. Johnson and Taylor, 1981; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999; Zhou, 1995). Измерение формирования суждения определено как степень ответственности, которую индивидуум возлагает на действующих лиц симметрично тону структуры коммуникации.

Метафоры принимаются как важные агенты усвоения, если они увеличивают фактуальные воспоминания по теме. Если на индивидуума оказано воздействие с целью заставить его сосредоточиться на некоторых аспектах проблемы таким образом, который имплицирован метафорой (то есть в пределах фрейма) при обсуждении темы, то употребление метафоры может быть признано успешным в плане моделирования мышления и дискуссии. Метафоры будут влиять на суждение, если они структурируют событие таким образом, чтобы оказать предпочтение одной интерпретации над другой, а индивидуум принимает эту интерпретацию (Bowers and Osborn, 1966; Brown, 1966; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999).

Во-первых, если, как утверждает теория, метафоры действительно дистиллируют сложную информацию в форматы, которые проще для понимания (Lakoff, 1987), тогда следует, что метафоры должны способствовать приобретению знания. Таким образом, присутствие метафор в содержании коммуникации должно увеличить количество фактуальной информации, которую человек способен получить из коммуникации. Чтобы проверить, действительно ли это имеет место, будет проведено тестирование количества фактов, которые индивидуум способен вспомнить из сводки. Соответственно предлагается следующая гипотеза относительно роли метафоры в усвоении:

Гипотеза усвоения: Индивидуумы, которые получают информацию, содержащую метафоры, будут способны вспомнить больше информации о теме, чем индивидуумы, которые получают ту же самую информацию без метафор.

Второй элемент в определении убеждения связан с процессом моделирования (фрейминга). Теория убеждающей силы метафоры, выдвигаемая здесь, утверждает, что метафора дистиллирует сложный материал, и через этот процесс, моделирует его специфическим образом. Например, метафора “Саддам – это Гитлер”, подразумевает фрейм “конфликта”. Фрейм конфликта создается потому, что метафора использует Гитлера как метафорическую

оболочку, которая передает основной набор характеристик, включающий референтную модель “война”, а также модель “добро против зла”. Вполне возможно, что другие метафоры могли бы использоваться, чтобы создать различные фреймы для Саддама. Например, фраза “Саддам пытается перехитрить Организацию Объединенных Наций” (дословно, “бросает в нее кривой мяч”) представляет собой спортивную метафору, которая создает фрейм “игры” (в данном случае, игры в бейсбол). Это происходит потому, что метафора ставит Саддама в роль подающего в бейсболе. Оболочка данной метафоры – подающий, бросающий кривой мяч, а основание включает следующие характеристики: «хочет одурачить отбывающего», «хитер» и «является ключевым игроком команды-соперника». Исследование политических новостей показывает, что “фрейм игры” является одним из наиболее широко используемых фреймов (Capella and Jamieson, 1997; Patterson, 1994).

Таким образом, основание метафоры создает “фрейм игры”. Этот фрейм, порожденный спортивной метафорой, предлагает абсолютно другой ход мысли о Саддаме, нежели чем фрейм “конфликта”. Фрейм “игры” представляет международную ситуацию в виде почти товарищеского соревнования с Саддамом в качестве ключевого (хоть и коварного) игрока команды-соперника. Напротив, фрейм “конфликта” метафоры Гитлера подразумевает отчаянную борьбу между стороной добра и стороной зла во главе с Саддамом.

Исследования использования моделирования проблемы в СМИ показали, что индивидуумы, которым были навязаны определенные модели проблемы, с большей вероятностью примут эти модели при размышлении над проблемой (Entman, 1993; Gamson, 1992). Чтобы обнаружить, действительно ли фрейм принят индивидуумом, Уильям Гамсон проанализировал терминологию, используемую индивидуумами при объяснении рассматриваемой проблемы другим индивидуумам (Gamson 1992, стр. 17-27). Развивая аргументы, выдвинутые Гамсоном о метафоре, если индивидуумы способны выбрать больше информации из сводок, содержащих метафоры, вследствие моделирования, то, до определенной степени, должно быть очевидным принятие фрейма индивидуумом при обсуждении данных сводок. Исследователи, изучающие эффект метафоры, назвали принятие аудиторией такого языка термином “эффект ассимиляции” (Johnson and Taylor, 1981; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999; Zhou, 1995). Соответственно предлагается гипотеза ассимиляции фрейма:

Гипотеза Ассимиляции Фрейма: Индивидуумы, которые получают информацию, включающую метафоры, которые активизируют определенный фрейм, будут использо-

вать этот фрейм при обсуждении фактов по теме и их значимости чаще, чем те индивидуумы, которые не получали информации, включающей такие метафоры.

Как отмечено выше, именно основание метафоры создает фрейм сообщения. Часто характеристики оболочки, содержащиеся в основании, не нейтральны с точки зрения ценности. Скорее, характеристики основания могут быть ценностно нагружены, таким образом придавая отчетливый тон фрейму. Если фрейм имеет тон, то он может оказывать предпочтение одному специфическому суждению по теме относительно другого суждения (Entman, 1993). То есть на первый план может выдвигаться суждение, которое кажется более совместимым с фреймом, созданным метафорой (Bowers and Osborn, 1966; Brown, 1966; Lakoff, 1991; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999), таким образом предоставляя силу убеждения. Это ведет к гипотезе формирования суждения:

Гипотеза Формирования Суждения: тон фрейма, созданного метафорой, будет влиять на суждение индивидуума образом, соответствующим тону.

Метод. С целью проверить три предложенных гипотезы, касательно убеждающих свойств метафоры, был проведен эксперимент. Проект включил четыре различных экспериментальных режима, в каждом из которых изменялась одна из независимых переменных, а также контрольную группу. Искусственность эксперимента, представленного в исследовании, является следствием того, что стимулы полностью гипотетичны и связаны с областью проблемы, в значительной степени незнакомой большинству участников этого эксперимента, — областью международного кризиса, в который не вовлечены Соединенные Штаты. Поскольку, как показывают исследования, американцы в значительной степени неосведомлены о международных делах (Holsti, 2004), недостаток знаний в области проблемы вместе с гипотетичностью ситуации обеспечивает относительно чистое испытание теоретической силы метафоры

Стимулами в эксперименте послужили версии одной и той же сводки из газеты *Los Angeles Times* об арабо-израильском мирном процессе, тщательно переделанной так, чтобы изменить все ссылки на людей и места с целью создать вымышленную обстановку. Вследствие гипотетической природы предмета новостей, используемого в качестве стимула, участники не имели никаких фоновых знаний, которые могли бы опровергнуть полученные ассоциации и таким образом противостоять убедительной силе метафорической риторики. Это становится очевидным потому, что, когда участников спросили, где в мире, по их мнению, имела место данная гипотетическая международная ситуация, большинство указали

"Африку" (статья была переписана так, чтобы сделать вид, будто все это произошло в Африке). Следовательно, имевшиеся ранее знания, возможно, не должны были оказать влияния на результаты эксперимента.

Стимулы. Статья была переписана четырьмя способами, в зависимости от четырех различных экспериментальных режимов. Каждый из четырех режимов изменился в зависимости от трех независимых переменных: присутствия или отсутствия метафор, фрейма, имплицитного метафорами, и тоном фрейма относительно одной из сторон (см. Таблицу 1). В первоначальной версии, метафорическим фреймом являлся "мирный процесс". Примеры метафор, создающих фрейм "мирного процесса", включают "остановившийся мирный процесс", или "мирный процесс нуждается в радикальном хирургическом вмешательстве." Фрейм "мирного процесса" в общем включает метафоры движения, стабильности и здоровья (Контент-анализ статей об Арабо-израильском конфликте в *New York Times* и *Los Angeles Times* выявил, что 96% всех метафор, имплицитных фрейм "мирного процесса" подпадают под категории движения, стабильности и здоровья (Belt and Cowperthwaite, 1998)). Другие примеры этих метафор внесены в список в Приложении А. [Приложение: Таблица 1]

В первом режиме, участники читают версию, в которой первоначальные метафоры мирного процесса были удалены. Участники во втором режиме читают версию, содержащую реальные метафоры "мирного процесса" в первоначальной статье, с тоном метафор, измененным так, чтобы оказать предпочтение одной из вымышленных сторон (Ukaba). Процесс изменения метафор заключался в "поднятии тона" метафор — главным образом, путем замены реальной метафоры метафорой с тем же, но только более сильным значением. Участники в третьем режиме читают ту же самую статью, что и участники во второй группе, но только метафоры в версии, которую они читают, изменены так, чтобы оказать предпочтение другой вымышленной стороне (Sangali). Например, фраза, предложенная второй группе, — "эту северную провинцию вновь потрясла волна насилия, когда войска Укабы открыли огонь по толпе протестантов Сангали" — в третьем режиме содержала метафору "мучиться от болезни" вместо метафоры "потрясти". Обе метафоры предполагают фрейм мирного процесса — стабильность и здоровье. Тем не менее, метафора "потрясеный" менее действенна, чем метафора "мучающийся", и моделирует мирный процесс таким образом, который оказывает предпочтение народу Укаба — в этом случае он представлен меньшим врагом "мирного процесса". Это различие кажется тонким, но существует много подобных различий между версиями для групп 2 и 3.

Кроме того, теоретики метафоры считают, что именно так метафора фактически и работает – что буквальное сообщение является собой голос, тогда как метафора в большей степени походит на соблазнительный шепот (Bowers and Osborn, 1966).

Участники в последнем режиме читают сводку, в которой метафоры имплицитно фрейм "игры" (то есть спортивные состязания и азартная игра, см. Приложение А), а тон сбалансирован. Все версии содержали одно и то же самое количество фактической информации, как-то места, даты, время, названия и имена, события. До эксперимента, переписанные статьи были показывались двум репортерам, чтобы гарантировать степень подлинности и удобочитаемости. Приложение В представляет текст каждой из версий.

Участники и Процедура. Участниками являлись 98 студентов младших курсов, посещающих занятия по политологии на факультете политических наук Южно-Калифорнийского Университета, а также Университета Штата Калифорния в г. Лонг-Бич (Одобрение было получено от Наблюдательного Совета Университета Южной Калифорнии). Участники были полностью информированы относительно их права не участвовать, им было объяснено, что их участие подразумевает их согласие. Участникам были даны гарантии, что их ответы останутся анонимными. Поскольку пул участников состоял из студентов университета, эксперимент вовсе не обязательно представляет собой случайный выбор американского населения в плане образования, дохода, политических взглядов, и т.п. Однако совокупность обеспечивала преимущество определенного (примерного) паритета в плане когнитивных способностей, полное отсутствие которого могло внести путаницу в результаты. Ожидалось, что другие демографические различия между участниками и остальным населением (например, доход и политические предпочтения) не будут влиять на результаты исследования.

Участники были случайным образом распределены по четырем режимам посредством вытягивания жребия. Студентам давали статью, соответствовавшую номеру режима, который они вытянули, и просили прочитать сводку. Студентам предоставлялось пять минут на чтение. После чтения участники заполняли пост-экспериментальную анкету, которая включала демографические, а так же зависимые показатели. Опросники были закодированы номерами, которые соответствовали одному из четырех экспериментальных групп, и это соответствие не было известным во время кодирования. Экспериментальные стимулы и опросник были опробованы на нескольких студентах с целью заранее найти решение потенциальных проблем, а так же чтобы вычислить

полную расчетную продолжительность эксперимента. Участников досконально опросили после эксперимента.

Существовали три зависимые переменные, измеряемые в анкете. Первым зависимым маркером было количество фактического запоминания, который формирует зависимую переменную, используемую для проверки гипотезы усвоения. Количество фактического запоминания оперировалось как число правильных фактов, запоминаемых из сводки. Просьба к участникам (в форме открытого неоконченного вопроса) перечислить "любые из фактов и деталей статьи, которые они могли вспомнить о сводке, которую только что прочитали, и если возможно, объяснить, почему они важны", использовался с целью измерить фактическое запоминание (см. Приложение С с формулировкой вопроса).

Гипотеза ассимиляции фрейма постулирует, что те индивидуумы, которые получили версии с метафорами, актуализирующими определенный фрейм, используют данный фрейм при обсуждении фактов из сводки. Вторая зависимая переменная оперировалась как то количество раз, которое определенный фрейм использовался в обсуждении запоминаемых фактов – какой из фреймов и сколько зарегистрировано комментариев, соотносящихся с данным фреймом. Вопрос, используемый для измерения данной переменной, совпадал с вопросом, использованным для измерения фактического запоминания.

Гипотеза формирования суждения постулировала, что тон фрейма, имплицитного метафорами, будет влиять на формирование суждения соответственно тону. Зависимая переменная оперировалась как направление и величина приписывания ответственности за ухудшение дипломатической ситуации, изображенной в статье. Для того, чтобы измерить эту переменную, участников (в форме открытого неоконченного вопроса) просили определить, которая из двух сторон в большей степени несет ответственность за ухудшающуюся ситуацию. Неоконченные вопросы имеют прецеденты в литературе о влиянии СМИ на приписывание ответственности, и ссылки на литературу по приписыванию ответственности демонстрируют, что открытые системы измерений достигают более высокого уровня прогнозируемой точности, чем закрытые, вследствие более низкой степени реактивности (Iyengar, 1991; Расселл, McAuley and Jerico, 1987).

Кодирование зависимых показателей включало перечисление удержанных в памяти фактов, количество метафор, используемых при объяснении важности фактов, а также фрейм (если он присутствовал), которому соответствовала каждая из метафор, и распределение ответственности по шкале от одого до

пяти. Была выбрана шкала от одного до пяти для оценки направления и величины приписывания ответственности каждым участником. Схема кодирования ответственности может быть представлена следующим образом: показатель «один» означает, что участник считает Сангали намного более ответственными за ситуацию; показатель «два» демонстрирует, что данная группа немного более ответственна; показатель «три» являлся маркером того, что испытуемый считает обе стороны в равной степени ответственными за ситуацию, показатель «четыре» – что объект эксперимента приписывает несколько большую степень ответственности Укабе, а показатель «пять» – высокую степень ответственности Укабы. Участники, которые не смогли назвать сторону, более ответственную за ситуацию, были закодированы отсутствием знака.

Результаты. Процедура случайной выборки привела примерно к равномерному распределению объектов по группам. Для того, чтобы проверить, эквивалентен ли состав участников в группах, полученных методом случайной выборки, мы сравнили в группах важные демографические показатели и показатели политических взглядов. Эти переменные включали возраст, пол, расовую принадлежность, количество внимания, уделяемого международным делам, использование газет и то, является ли английский родным языком испытуемых. Внимание к международным делам и чтение газетных новостей было включено для того, чтобы удостовериться, что внимание политике уделялось в равной степени во всех группах. Эти четыре группы отличались по только одному основному критерию – использование английского в качестве первого языка (см. Таблицу 2). Однако данное различие между группами не имело никакого влияния на результаты этого исследования, т.к. те, чьим первым языком не являлся английский, не отличались в сколь бы то ни было значительной степени от других участников ни по одной из оставшихся трех зависимых переменных. [Приложение: Таблица 2]. Участники, родным языком которых не являлся английский, могли вспомнить то же количество фактов из статей, что и те, чьим родным языком является английский (соответственно: 7,52 vs. 8,34, $F(1, 96) = 0,834$, н.з.); они не использовали серьезно отличавшееся от других участников число метафор мирного процесса при описании важности фактов (соответственно: 0,90 vs. 74, $F(1, 96) = 0,639$, н.з.); они также не проявили большей склонности приписывать ответственность иным образом, нежели чем остальные (соответственно: 3,88 vs. 3,91, $F(1, 79) = 0,006$, н.з.).

Гипотеза Усвоения. Гипотеза усвоения предполагает, что индивидуумы, которые получили информацию, включающую метафоры,

будут способны получить больше знаний о теме, чем индивидуумы, которые получили ту же самую информацию без метафор. Если эта гипотеза верна, то испытуемые в режимах 2-4 (обе группы читали статьи с метафорами мирного процесса, плюс группа, читавшая статью с метафорами игры), как ожидалось, вспомнят больше фактов из сводки, чем испытуемые в первом режиме (группа, которая читает статью без метафор).

Как и было предсказано гипотезой усвоения, показатель степени запоминания фактической информации оказался более высоким среди участников групп, читавших сводки с метафорами, чем среди участников, читавших сводки без метафор (в сводке содержалось 28 фактов, Таблица 3 демонстрирует среднее число фактов, о которых сообщается каждой группой). Испытуемые, читавшие статьи с метафорами (группы 2-4), смогли вспомнить в среднем 8,64 фактов, что на 2,3 факта больше, чем у тех, кто читал статью без метафор (группа 1), у которых запоминание в среднем составило 6,34 факта на участника ($F(1, 96) = 5,756$, $p < 0,05$). Таким образом, оказалось, что присутствие метафор помогало испытуемым узнать о теме статьи. Но существует другая опасность – может быть, сам по себе фрейм "мирного процесса" привел к улучшенной запоминаемости среди тех, кто читал статьи с метафорами. Вполне возможно, что "мирный процесс" стимулировал большую запоминаемость, чем метафоры "фрейма игры", потому что фрейм "мирного процесса" более привычен в контексте освещения международных дел, чем "фрейм игры". Так, Belt and Cowperthwaite [1999] считают, что фрейм "мирного процесса" используется намного более экстенсивно, чем фрейм игры при освещении международных событий, тогда как "фрейм игры" более часто используется в сообщениях о внутренней политике. [Приложение: Таблица 3]

Для того, чтобы определить, действительно ли это имело место, был проведен тест. Он подтверждает данные опасения – те участники, которые читали статью с "игровым фреймом" (режим 4), вспомнили наименьшее количество фактов (превзойдя лишь контрольную группу). Этот факт, наиболее вероятно, связан с тем, что "фрейм игры" не является типичным фреймом, используемым репортерами для освещения подобного типа международных новостей, что могло смутить испытуемых. Поскольку "фрейм игры" не является наиболее ярким фреймом для данного типа статей, недостаток знакомого фрейма помешал участникам вспомнить факты из сводки. Этот вывод соответствует тем, что мы находим в литературе по "градуированной яркости" (Fodor, 1983; Giora, 1999; Giora, Fein and Schwartz, 1998) и "неожиданным контекстам" (Peleg, Giora and Fein,

2001) метафоры. Тезис о “градулируемый яркости” предполагает, что более яркие значения активируются с большей легкостью, нежели чем менее яркие (Giora, Fein and Schwartz, 1998). Тезис о “неожиданных контекстах” постулирует, что, метафоры менее понятны реципиентам, если они используются вне их обычных контекстов. Тот факт, что метафоры, создающие “фрейм игры”, ожидалась в меньшей степени и являлись менее яркими, чем те, которые создавали фрейм “мирного процесса”, помогает объяснять более низкий уровень усвоения, имевший место у тех участников, которые читали статью с метафорами “фрейма игры”. Дальнейшие результаты предоставляют дополнительное свидетельство подобному объяснению.

Гипотеза Ассимиляции Фрейма. Гипотеза ассимиляции фрейма предполагает, что индивидуумы, получающие информацию, включающую метафоры, которые активируют определенный фрейм, будут использовать данный фрейм при обсуждении фактов по теме и их значимости. При внесении в список фактов, которые они могли вспомнить, испытуемых просили объяснить их важность. Число соотношенных с фреймом замечаний, использованных испытуемыми при объяснении фактов, которые они могли вспомнить, было подсчитано и категоризировано соответственно имплицированному фрейму: “мирный процесс”, “игра”, или “иное”. Еще раз резюмируем раздел, посвященный Гипотезе: Если метафоры структурируют то, как индивидуумы думают о теме, тогда испытуемые в режимах 2 и 3 будут скорее использовать метафоры мирного процесса в обсуждении важности оставшихся в памяти фактов, в то время как испытуемые четвертой группы должны использовать язык, совместимый с метафорами игры. Именно так и произошло.

Все соотносимые с фреймом замечания, использованные участниками для объяснения запомненных ими фактов, подпадали либо под категорию “мирный процесс” либо под “фрейм игры”. Пример замечания, имплицировующего фрейм “мирного процесса”, получен от участника группы 2, который написал, что “недавнее мирное соглашение было разорвано”. Как предсказывалось гипотезой ассимиляции фрейма, замечания, подразумевающие фрейм “мирного процесса”, использовались значительно чаще среди участников групп 2 и 3, чем среди испытуемых в других режимах. Испытуемые в группах 2 и 3 сделали в среднем 1,06 замечания, имплицировавших фрейм “мирного процесса”, тогда как вместе взятые тестируемые в Группе 1 (статья без метафор) и Группе 4 (фрейм игры) сделали в среднем 0,41 замечаний, которые бы подпадали под категорию фрейма “мирного процесса” ($F(1, 96) = 14.759, p < 0,001$). Испытуемые в группах

“фрейма мирного процесса” (Группы 2 и 3) также показали значительно более высокий уровень использования фрейма “мирного процесса” в сравнении с двумя другими группами, взятыми независимо. Различия между группами “фрейма мирного процесса” и контрольной группой (статья с удаленными метафорами) было существенным ($F(1, 73) = 9.770, p < 0,01$), как и различия между группой “фрейма мирного процесса” и группой “фрейма игры” ($F(1, 73) = 6.673, p < 0,05$). Хотя результаты тестов наглядно демонстрируют действенность гипотезы, необходимо дальнейшее внимательное исследование данных результатов.

Поскольку тестируемые в режиме “фрейма мирного процесса” могли вспомнить больше фактов, чем испытуемые в других режимах (9,19 против 6,87 соответственно), предполагается, что они обязательно сделают больше замечаний в рамках фрейма “мирного процесса”, т.к. у них будет больше фактов для объяснения при открытом, неоконченном вопросе. По этой причине был проведен многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA – Multivariate ANalysis Of VAriance) с целью контроля за эффектом запомненных фактов. Тест показал, что группы “фрейма мирного процесса” по-прежнему использовали значительно больше замечаний, соотносимых с мирным процессом даже после контроля запомненных фактов ($F(2, 95) = 7,822, p < 0,01$).

Что касается замечаний, связанных с фреймом игры, испытуемые, читавшие статью с “фреймом игры” (режим 4), значительно отличались от тестируемых из трех других групп, поскольку они были единственными, кто делал замечания в стиле “фрейма игры” при объяснении фактов, количество которых в среднем составило 0,13 на человека ($F(1, 96) = 11,020, p < 0,01$). Таким образом, гипотеза относительно фрейминга выдерживает экзамен и в терминах фрейма мирного процесса и в терминах фрейма игры. Интересно, однако, обратить внимание на то, что, в то время как участники в Группе 4 были единственными, кто использовал связанные с игрой замечания, они предпочли использовать метафоры мирного процесса более чем в три раза чаще (см. Таблицу 4). [Приложение: Таблица 4]

Интересно обратить внимание на то, что все участники так или иначе использовали фрейм “мирного процесса” в своих объяснениях, независимо от того, читали ли они статью с метафорами мирного процесса или нет. В то время как первая группа читала статью, вообще не содержащую метафор, которые могли бы имплицировать фрейм “мирного процесса”, испытуемые в этой группе тем не менее сделали несколько замечаний, связанных с “мирным процессом”, – в среднем по 0,35 на человека – при объяснении запомненных ими фактов. Даже те тестируемые, которые читали

статью с метафорами, имплицитными фрейм "игры" (Группа 4), также использовали замечания "мирного процесса" при обсуждении событий, при частотности 0,48 замечаний на человека. Нежелание участников использовать предложенный им "фрейм игры" и их склонность чаще выбирать вместо него фрейм "мирного процесса" объясняется нетипичностью "фрейма игры" при описании международных дел. Использование фрейма мирного процесса, даже не имплицитного метафорами, отражает тот факт, что людям комфортно мыслить о новых проблемах в той манере, к которой они привыкли (например, "Мирный процесс в Северной Ирландии" и "палестинско-израильский Мирный процесс"). Очевидно, объекты используют фрейм "мирного процесса" при размышлении о свежих международных новостях, даже если эти новости представлены вне данного фрейма. Это указывает на то, что человек может ассимилировать фреймы с течением времени. Кроме того, он может извлекать фреймы для облегчения понимания и объяснения проблемы даже тогда, когда ничто не предполагает такой возможности.

Гипотеза Формирования Суждения. Наконец, гипотеза формирования суждения постулирует, что люди будут склонными делать суждение, совместимое с тоном фрейма, когда тон отдает предпочтение или относится с пренебрежением к определенному суждению. В данном эксперименте, объекты в режиме 2 читали сводку с метафорами, которые имплицитно фрейм, оказывающий предпочтение вымышленному народу "Укаба". В этой статье, народность Сонгали представлена группой, в большей ответственной за препятствование мирному процессу. Испытуемые в Группе 3 читали версию, в которой тон фрейма был противоположным – в данном случае, он поддерживал Сангали.

Соответственно, если метафоры убедительны, объекты в режимах два и три должны разойтись в суждении, активированном как приписывание ответственности за ухудшение ситуации, описанной в статье. Участникам был задан открытый незаконченный вопрос о том, какая из групп, по их мнению, более ответственна за ситуацию. Для их ответов была выбрана шкала от 1 до 5, где более высокое значение указывало на большую ответственность Укабы. Значение 3 показывает то, что испытуемый считал обе стороны в равной степени ответственными, или то, что он не мог определить, которая из сторон более ответственна. Когда эти данные были протестированы, гипотеза формирования суждения получила подтверждение.

В соответствии с гипотезой формирования суждения, объекты, которые читали статью с предубеждением против Укабы (режим 3), бы-

ли в большей степени склонны обвинить Укабу в инциденте, нежели чем испытуемые в Группе 2, которые читали статью с предубеждением против Сангали (4,53 против 3,75 соответственно, $F(1, 41) = 4,279, p < 0,05$, см. Таблицу 5). Даже при том, что было обнаружено существенное различие, интересно обратить внимание на то, что Сангали получили одобрение обеих групп – групп 2 и 3, поскольку средний показатель в каждой из этих групп превышал средний показатель 3. [Приложение: Таблица 5]

Дополнительный, более сложный тест может быть проведен для гипотезы формирования суждения. Поскольку первая группа читает версию со сбалансированным тоном и не содержащую метафор, было бы оправдано ожидать, что показатель при распределении ответственности за сложившуюся ситуацию станет промежуточным между группами 2 и 3, которые читают версии с фреймами, противоположными по тону. К нашему удивлению, проявилась именно такая закономерность, поскольку средний показатель приписывания ответственности для контрольной группы составил 3,88 – показатель между режимом 2 (показатель 3,75) и режимом 3 (показатель 4,53). Однако, данная закономерность ставит под сомнение тест дисперсионного анализа для модели трех режимов ($F(2, 56) = 2,236, p = 0,116$). Неудача данного теста, вероятно, связана со средним показателем приписывания ответственности, т.к. показатель контрольной группы был значительно ближе к показателю Группы 2, нежели чем к показателю Группы 3. Таблица 6 демонстрирует результаты во всех режимах для простоты сопоставления. [Приложение: Таблица 6]

Обсуждение и Заключение. Данное исследование подвергло верификации три гипотезы относительно убеждающего эффекта метафоры. Эти гипотезы постулируют, что метафора облегчает усвоение, моделирует политическую дискуссию и влияет на формирование суждения. Экспериментальные свидетельства, представленные в работе, подтверждают все три гипотезы и дают утвердительный ответ на вопрос "убеждает ли метафора?" Кроме того, были также обнаружены и объяснены интересные и неожиданные закономерности.

Тестирование первой гипотезы показало, что включение метафоры в новостные сводки помогло читателям усваивать информацию о теме. Участники, которые читали сводку новостей с удалением первоначально содержащихся там метафор, запомнили меньше информации из статьи, чем участники, читавшие версии с сохраненными метафорами. Два участника даже отметили, что статья без метафор была "скучна", указав на то, что небольшое риторическое украшение в новостях ожидается, или по крайней мере, ценится. Это откры-

тие поддерживается в теоретической литературе по метафоре, в которой утверждается, что метафоры помогают в усвоении информации, а также в теоретической литературе, отмечающей, что метафоры являются “необходимыми, а не просто красивыми” (Ortony, 1975, с. 45; см. также Allbritton, McKoon and Gerrig, 1995; Lakoff, 1987) компонентами, помогающими человеку узнавать о новых темах. Но вопрос о влиянии вовсе не является столь простым – для облегчения усвоения должны использоваться правильные *типы* метафор.

Интересное открытие, вытекающее из проверки первой гипотезы, состояло в том, что участники, читавшие версию с метафорами “фрейма игры” могли вспомнить меньше фактов, чем те, кто читал версии, содержавшие метафоры фрейма “мирного процесса”. Человеку должна быть представлена сводка именно в том фрейме, к которому он привык, для наиболее эффективного усвоения. Эта находка имеет подтверждения в литературе по “градуированной яркости” (Fodor, 1983; Giora, 1999) и “неожиданным контекстам” (Peleg, Giora and Fein, 2001) метафоры. Следующие аргументы предоставляют дальнейшее подтверждение данному объяснению.

Второе главное открытие этого исследования состоит в том, что определенный фрейм, имплицитный метафорами, может систематически влиять на то, как человек думает о теме. Соответственно второй гипотезе, объекты, читавшие статью с метафорами определенного фрейма, более вероятно, чем другие, используют этот фрейм при изложении важности информации, которую они могли вспомнить. Эта находка подтверждается исследованиями эффектов метафоры, которые установили, что индивидуумы ассимилируют язык, имплицитный данной метафорой (Johnson and Тэйлором, 1981; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999; Zhou, 1995). Этот результат еще раз подтверждает понятие “утверждения повестки”, развиваемое в литературе по СМИ и политологии, которое указывает, что хотя СМИ не могут сказать людям, что думать, они на самом деле говорят им, “о чем думать” (Cohen, 1963, р. 13), и более того, фреймы говорят им, как думать об этом (Entman, 1993; Gamson, 1992).

Тот факт, что все группы прибегли к использованию фрейма “мирного процесса”, независимо от того, что они читали, показывает, что участники не просто выдавали то, что они читали. Напротив, он указывает, как уже упомянуто выше, что людям приходится сталкиваться со сложностями при обработке информации, если она не представлена им в том виде, к которому они привыкли. Кроме того, тот факт, что объекты, читавшие версию с “фреймом игры”, в три раза чаще делают замечания, подпадающие под “фрейм мирного процесса”,

чем замечания, подпадающие под категорию “фрейма игры”, также является показательным. Если индивидуумы получают информацию, структурированную тем способом, с которым они не знакомы, они могут применить более знакомую модель, т.е. ту, к которой они привыкли. Это означает, что *содержание* коммуникации не может быть столь же важно как то, как *аудитория* интерпретирует ее.

В литературе по политической коммуникации не прекращаются споры между теми исследователями, которые занимаются исключительно “эффектами СМИ” и теми, кто ведет исследования с использованием теоретической парадигмы, известной под названием “конструктивизм”. Исследователи, работающие в рамках парадигмы “эффектов СМИ”, предпочитают фокусировать внимание на содержании сообщения с целью объяснения его эффекта на аудиторию в манере стимул-реакция (см. Bryant and Zillman, 2002; Lang, 1994; Искры, 2002). Открытие того факта, что аудитория приносит свои собственные модели при интерпретации сообщения, предполагает, что некий более сложный процесс происходит в сознании адресата. Адресаты – не пассивные получатели, как считают многие исследователи “эффектов СМИ”. Напротив, они извлекают свое собственное значение из сообщений СМИ, основанное на моделях, которые уже содержатся в их головах. Эта находка подтверждает понятия “конструктивисткой” парадигмы о том, что индивидуумы привносят их собственный личностный и межличностный опыт в рассмотрение сообщений СМИ при их осмыслении (см. Crigler, 1996).

Наконец, данное исследование находит подтверждение убеждающему эффекту метафоры. Тон фрейма, имплицитного метафорой, как оказалось, влияет на суждение объектов в плане приписывания ответственности. Третья гипотеза относительно метафоры и убеждения нашла подтверждение в данных, демонстрирующих, что люди, которые читают версии, структурированные моделью “мирного процесса”, с наибольшей вероятностью припишут ответственность за кризис таким образом, который был бы совместим с тоном модели. Кроме того, тот факт, что люди, которые читают тонально сбалансированную версию без метафор, показывают промежуточные результаты между читающими версии с предубеждением в плане приписывания ответственности, также предполагает валидность гипотезы формирования суждения (хотя различия не были статистически существенны). Эти результаты предоставляют подтверждение теориям, постулирующим убеждающую силу метафоры (Bowers and Osborn, 1966; Brown, 1966; Lakoff, 1991; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999).

Вне этих трех основных результатов, еще одна находка относительно убедительности метафоры была сделана среди объектов, которые читали версию с метафорами, имплицитными "фрейм игры". Эта группа отличалась от других тем, что ее участники дали более сбалансированную оценку ответственности. Все остальные группы, независимо от тона предубежденности в прочитанных ими версиях, казалось, предпочитали обвинять одну из враждующих сторон больше другой (в большей или меньшей степени, в зависимости от версии, которую они читали). Это, вероятно, связано с замешательством, вызванным неожиданной моделью. Поскольку этим участникам было труднее понять статью, им также труднее было приписать ответственность. Фактически испытуемые в данном режиме дали самое большое количество ответов "не знаю" на вопрос об ответственности. Участники в этой группе наиболее вероятно умили свои суждения, вследствие отсутствия модели, на которой они могли бы базировать свои оценки.

Несмотря на то, что приведенные здесь аргументы кажутся доказательными, необходимо сделать несколько предостережений. Данное исследование лишь затрагивает поверхность потенциально глубокой и многосторонней проблемы. Было бы опасно преувеличить результаты данной работы по трем важным причинам.

Во-первых, данное исследование анализировало только один тип коммуникации – письменный текст. Метафора может существовать более чем в одном типе коммуникации. Визуальные образы или звуковые треки могут также использоваться для создания метафорической связи между оболочкой и темой (см. Grand, 1994). Результаты данного исследования не могут быть экстраполированы на другие типы коммуникации, и дальнейшее эмпирическое исследование потребовалось бы, чтобы сделать подобное заключение.

Во-вторых, данное исследование анализировало только две из множества различных моделей, типичных для политического дискурса. Возможно, что модели могут варьироваться в плане убедительной силы. Дальнейшее исследование необходимо, чтобы определить, являются ли некоторые модели более убедительными, чем другие. Это, в свою очередь, может также зависеть от темы и типа коммуникации.

Наконец, показатель убеждения в данном исследовании можно назвать относительным. Неясно, имеет ли на самом деле обнаруженная здесь убедительность пропорциональное влияние на политическое поведение. Могут ли подобные проанализированным в данном исследовании сообщения подстрекать людей к насилию или оказывать влияние на выборах?

Необходимо дальнейшее исследование с показателями поведения, для того чтобы ответить на эти вопросы.

Несмотря на эти предостережения и заявление перспектив будущего исследования, данная работа вносит вклад в развитие и верификацию теоретической основы для будущего изучения эффектов метафоры на политическое убеждение. Данные, представленное здесь, также предоставляют определенную базовую информацию для будущих работ, темами которых могли бы стать типы коммуникации, модели и зависимые показатели. Надеемся, что данное исследование делает первый шаг на пути к такому исследованию.

REFERENCES

- Allbritton, David W., Gail McKoon and Richard J. Gerrig. 1995. "Metaphor-Based Schemas and Text Representations: Making Connections through Conceptual Metaphors." *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition* 21:612-25.
- Belt, Todd and Gabriela Cowperthwaite. 1998. "Media Coverage of the Arab-Israeli Conflict: Frames and Metaphors." Paper presented at the Annual Meeting of the Western Political Science Association. Los Angeles, CA.
- Bowers, J. W. and M. M. Osborn. 1966. "Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches." *Speech Monographs* 33:147-55.
- Brown, Stephen. 1966. *The World of Imagery: Metaphor, and Kindred Imagery*. New York: Russell and Russell.
- Bryant, Jenninigs and Dolf Zillmann (eds.). 2002. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Joseph N. Cappella and Kathleen Hall Jamieson. 1997. *Spiral of Cynicism: The Press and the Public Good*. New York: Oxford University Press.
- Cohen, Bernard. 1963. *The Press and Foreign Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Converse, Philp. 1964. "The Nature of Belief Systems in Mass Publics." In David Apter (ed.). *Ideology and Discontent*. New York: Free Press.
- Crigler, Ann N. (ed.). 1996. *The Psychology of Political Communication*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- De Landtsheer, Christ'l, and Ilse De Vrij. 1998. "Dutch Governmental Discourse Regarding Srebienica: A Test of the Crisis Communication Combination Hypothesis." Paper presented at the International Congress of Applied Psychology, San Francisco, CA.
- Entman, Robert M. 1993. "Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm." *Journal of Communication* 43:51-58.
- Fodor, Jerry A. 1983. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Gamson, William. 1992. *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.
- Giora, Rachel. 1999. "On the Priority of Salient Meanings: Studies of Literal and Figurative Language." *Journal of Pragmatics* 31:919-29.

Giora, Rachel, Ofer Fein and Tamir Schwartz. 1998. "Irony: Graded Salience and Indirect Negation." *Metaphor and Symbol* 13:83-101.

Grand, Steven Lee. 1994. *The Battle for Imagery: Visual Metaphor and Televisual Persuasion in The Gulf War*. Ph.D. Diss.: University of Southern California.

Holsti, Ole R. 2004. *Public Opinion and American Foreign Policy* Revised Edition. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Iyengar, Shanto. 1991. *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues*. Chicago: University of Chicago Press.

Johnson, J. T. and S. E. Taylor. 1981. "The Effect of Metaphor on Political Attitudes." *Basic and Applied Social Psychology* 2: 305-16.

Lakoff, George. 1991. "Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf." *Journal of Urban and Cultural Studies* 2:59-72.

Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press.

Lang, Annie. 1994. *Measuring Psychological Responses to the Media*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Ortony, A. 1975. "Why Metaphors are Necessary and not Just Nice." *Educational Theory* 25:45-53.

Ottati, V., Rhoads, S. and Graesser, A. C. 1999. "The Effect of Metaphor on Processing Style in an Persuasion Task: A Motivational Resonance Model." *Journal of Personality and Social Psychology* 77:688-97.

Patterson, Thomas E. 1994. *Out of Order*. New York: Vintage.

Peleg, Orna, Rachel Giora and Ofer Fein. 2001. "Salience and Context Effects: Two Are Better Than One." *Metaphor and Symbol* 16:173-92.

Russell, Daniel, Edward McAuley and Valerie Jerico. 1987. "Measuring Causal Attributions for Success and Failure: A Comparison of Methodologies for Assessing Causal Dimensions." *Journal of Personality and Social Psychology* 52:1248-57.

Sparks, Glenn G. 2002. *Media Effects Research: A Basic Overview*. Belmont, CA: Wadsworth.

Zhou, Ling-Yi. 1995. *Changes In the Affective Meaning of Topic and Vehicle Terms After Metaphor Comprehension*. Ph.D. Diss.: Miami University.

© Белт Т., 2007

© Аникин Е.Е. (перевод), 2007

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

**СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ***

Abstract

Researches into contemporary political discourse all over the world reveal the typical narrative of justification of war. This narrative contains three agents

(HERO, VILLAIN, and VICTIM) and seems to be a universal cognitive structure framing political picture of the world in a crisis situation. This paper verifies the trinity model by researching into medieval political discourse. It is argued that the medieval gothic Fairy-Tale of Just War is binary, as the agent of VICTIM is omitted.

***

Современный интерес к когнитивным структурам и процессам, находящим отражение в политическом дискурсе, довольно высок, но, как показывают специальные исследования, этот интерес преимущественно современностью и ограничивается [Будаев, Чудинов 2007]. В центре внимания настоящего исследования – когнитивная модель «Сказка о справедливой войне», реализуемая в средневековом политическом сознании.

В рамках риторического направления политической лингвистики было показано, что в основе конструируемой в политическом дискурсе «Сказки о справедливой войне» лежит необходимость в морализации конфронтации, а сама «сказка» содержит в себе редуцированную историю с заданным набором типичных агентов: Герой, Злодей, Жертва. Три агента этого типичного нарратива (далее – тринарная модель) зафиксированы на примере анализа политического дискурса во многих странах мира. Так, Дж. Лакофф регулярно указывал на тринарную модель «Сказка о справедливой войне» в политическом дискурсе США, выявив несколько ее вариантов («сказка о спасении», «сказка о самозащите») [Lakoff 1991; Lakoff 2004]. Вслед за ним многие исследователи фиксировали эту модель в американском политическом дискурсе [Hiebert 2003; Kennedy 2000; Mowlana et al. 1992]. Аналогичную модель рассматривает А. П. Чудинов на примере анализа российской метафорики [Чудинов 2003]. Ряд исследователей обнаружили эту модель в итальянском политическом дискурсе [Bassi 1996; Rolandi 2005; Zaccarella 2005]. А. Абрантес демонстрирует актуализацию тринарной модели в португальской и немецкой прессе [Abrantes 2001], а Р. Кусисто показала ее распространенность на примере сопоставительного анализа политического дискурса лидеров США, Франции и Великобритании [Kuusisto 1998].

Исследователи выяснили, что «Сказка о справедливой войне» может реализовываться в разных культурно-специфичных вариантах (вестерн, крестовый поход, битва на Косовом поле и др.). Например, в роли Героя может выступать *ковбой, полицейский, рыцарь-христианин, партизан* или просто *цивилизованный человек*, а Злодей объективируется в образах *кровожадного индейца, сексуального маньяка, уголовника, нациста, зверочеловека* и т.п. Вместе с тем фреймовая, типизированная структура (тринарная модель) остается неизменной.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).